

АНДРЕА
КАТАЛАНО

БОСТОНСКАЯ ВЕДЬМА

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ
ШЕКСПИРОВСКОГО РАЗМАХА

18+

Андреа Каталано
Бостонская ведьма
Серия «Новая готика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74361011

Бостонская ведьма: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34641-3

Аннотация

Захватывающий роман, основанный на реальной истории Маргарет Джонс – первой женщины, осужденной за колдовство в XVII веке в Новом Свете.

Колония Массачусетского залива, 1646 год. Томас и Маргарет Джонс прибыли из Англии, чтобы построить новую жизнь в Новом Свете. Несмотря на разницу в темпераменте – осторожный Томас привык гасить порывы пылкой Мэгги, травницы и опытной повитухи, – их соединяет истинная любовь. Мэгги ждет ребенка, и, кажется, жизнь сулит им одни лишь благословения.

Однако в суровом пуританском сообществе Нового Света людям не по душе острый язык и прямолинейность Мэгги. Ее готовность помочь всех радует, но поразительная, почти сверхъестественная чувствительность и глубокие знания в медицине вызывают подозрение. Богобоязненные и весьма лицемерные жители Бостона начинают видеть в ней коварную

колдунью, а не добрую целительницу. И на голову Маргарет обрушивается ад...

Роман, созданный на основе реальных дневников и судебных протоколов, – это одновременно захватывающая история несправедливо обвиненной ведуньи и история любви на фоне политических и социальных потрясений как Старой, так и Новой Англии, блестящее воплощение истории.

Содержание

Пролог	8
Часть первая. Томас	27
Глава первая	27
Глава вторая	43
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Андреа Каталано

Бостонская ведьма

*Посвящается Роберту, моей неизменной любви и
лучшему другу.*

*Как писала Энн Брэдстрит, «любовь твоя
ценней, чем золото всего мира»¹*

Andrea Catalano

THE FIRST WITCH OF BOSTON

Copyright © Andrea Catalano, 2025

Печатается с разрешения *Amazon Publishing*,
www.apub.com.

Издательство выражает благодарность литературному
агентству *Synopsis Literary Agency* за содействие в приобрете-
нии прав.

© Е. О. Згурская, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Иностранка®

Пролог

Чарльзтаун, колония Массачусетского залива 28 июня 1648

Единственное, о чем думал Томас Джонс, стоя на причале, – что Массачусетс наконец-то останется позади.

Утерев со лба испарину тыльной стороной ладони, он взглянул на свои немудреные пожитки – два дорожных сундука и корзинку, из которой настороженно топорщила уши черепаховая кошка. Кошка взглянула в ответ крайне презрительно.

– Ну, ну, Молли, не делай такое лицо, – Томас наклонился и взъерошил густой разноцветный мех. – Нам не помешает на борту хорошая мышеловка.

Затем он выпрямился и обнаружил прямо перед собой раскрасневшееся и потное лицо капитана корабля «Долгожданный», пришвартованного у дальнего края причала.

Глаза капитана слегка расширились от удивления – сейчас, когда Томас выпрямился в полный рост, оказалось, что

он и выше, и шире в плечах.

Мистер Джонс приветственно кивнул, касаясь края шляпы:

– Она и впрямь славно ловит мышей, не сомневайтесь!

Капитан взглянул на кошку и улыбнулся:

– Ничуть не сомневаюсь – у нее на морде все написано!

Капитан Дэйвис, – протянул он руку.

– Томас Джонс, сэр, – мистер Джонс ответил на рукопожатие и на мгновение замер, чувствуя, как по спине ползет холодок. А что, если капитан уже слышал о нем? Страх накатиł не сразу – прошло целое мгновение с тех пор, как имя соскользнуло с губ, как это бывает, когда залпом опрокинешь чарку рома, а блаженный жар в теле разливается спустя один вдох. Точно так же Томас чувствовал себя, когда кто-нибудь упоминал при нем его жену и ее образ всплывал в памяти, – и ровно в тот миг, когда женщина, владевшая его рукой и сердцем, вставала перед мысленным взором, живая, реальная, ждущая его дома, Томас вспоминал, что ее больше нет, и внутри разливался жгучий холод.

Но холод страха схлынул так же, как и накатиł, и Томас ощутил себя так, словно падает с огромной высоты, и единственным, что позволило ему удержаться на ногах, была тяжелая, неизбывная печаль – она будто разливалась под ногами, замедляя каждый шаг, как болотная тина.

– И куда же вы направляетесь? – поинтересовался капитан. – В Новый Амстердам или в Виргинию?

– Ни туда, ни туда, – Томас прокашлялся и поднял глаза на снасти «Долгожданного», шурясь от яркого солнца. – Конечная цель моего пути – Барбадос, сэр.

– О, вот как? А вы там бывали раньше?

Томас покачал головой.

– В это время года там жара, как в адовом котле, я вам скажу, – капитан Дэйвис усмехнулся, довольный собственной шуткой. – Зачем вам туда? Дела какие-то?

Томас пригладил усы двумя пальцами, подыскивая подходящие слова. Капитан Дэйвис не был бостонцем, да и ответить на его вопрос было не так уж просто.

– Можно и так сказать, сэр. Скорее – чтобы начать все заново.

– Повидал я на своем веку мужчин, говоривших такие слова, и всякий раз эти слова подразумевали – «убраться подальше от некоей женщины», – капитан поддернул просоленные лацканы сюртука и понимающе кивнул.

Томас не нашелся, что ответить, и посмотрел на кошку, словно та могла подсказать какой-нибудь подходящий и достаточно хлесткий ответ. Та взглянула на хозяина желтовато-зелеными глазами, словно говоря: «Ты что, и впрямь думаешь, что я каким-то образом могу это все разрулить?..»

– Ладно, вытрясать из вас секреты силой я не буду. Пусть Смитти позаботится о ваших сундуках, а вы поднимайтесь на борт. Маршрут согласуем ближе к полудню.

Томас направился вверх по трапу, оставляя за спиной ку-

сок суши, последние два года служивший ему домом. Какой теперь мог быть «дом», когда он потерял *свой* дом, свое сердце, свое пристанище? Теперь ему нигде не будет прибежища, и осознание этого факта давило на плечи мертвым грузом. И Томас уже порядочно устал таскать его на себе.

Но в последний момент он все-таки оглянулся – лишь для того, чтобы в очередной раз проклясть это место.

– Вон, там, это муж Маргарет Джонс!

Томас уже стоял на палубе, глядя на восток, где простиралась серая гладь Атлантического океана, когда за спиной послышались шепотки. Он уже начал свыкаться с этим шелестом голосов – они преследовали его уже не первую неделю и напоминали царапанье крысиных коготков по дверям и стенам, нервируя своей назойливостью.

– Это Томас Джонс, точно, он!

Томас обернулся на голос – тот принадлежал женщине в белоснежном чепце, одной рукой крепко державшей за руку сынишку, второй уцепившись за локоть какого-то мужчины, скорее всего мужа. Встретившись с Томасом взглядом, женщина охнула и тут же велела своим спутникам отвернуться.

Ханжи безмозглые... Бостон буквально кишел подобными людьми.

В этот момент корабль неожиданно начал заваливаться на правый бок. Деревянная обшивка заскрежетала так громко, что этот скрежет походил на рев разъяренного зверя, но его почти сразу же заглушили крики и визг перепуганных

пассажиров. Томас поспешно ухватился за ближайшие снасти, кое-как удержавшись на ногах. Корабль продолжал крениться, и Томас беспомощно наблюдал, как другие люди, не успевшие отыскать опору, соскальзывают и катятся, как яблоки из опрокинутого бушеля². Отцы и матери судорожно пытались поймать маленьких детей, валясь к правому борту. Воздух наполнился испуганными детскими криками, пронзительным ревом младенцев. Томас протянул руку и схватил пожилого мужчину – тот выронил трость и, громко призывая на помощь Бога, едва не полетел за ней следом. Томас неловко стиснул худое, костлявое запястье старика, впившись ногтями в рукав его поношенного шерстяного сюртука.

– Держитесь, держитесь! – рычал Томас, стиснув зубы, изо всех сил пытаясь подтянуть старика поближе к снастям, чтобы тот смог ухватиться за них сам, но тот дергался, охваченный паникой. И прежде чем пальцы Томаса все-таки разжались, старик повернулся, и его помутневшие от прожитых лет глаза распахнулись шире.

– Джонс! – воскликнул он и тут же закричал от ужаса. Томас не знал, что так напугало старика – перспектива свалиться в воду или осознание того, чья рука уберегла его от этого, – но тот вырвался и укатился следом за остальными к правому борту.

² Тара для хранения и транспортировки яблок (плетеная корзинка или круглый ящик с ручками) с определенными габаритами; используется в качестве единицы объема в английской системе мер, в частности для сыпучих товаров.

Опытные моряки, устоявшие на ногах, отчаянно ругались, подгоняя остальных матросов перебраться на левый борт, чтобы выровнять вес шаткого судна. Томас подтянулся, понадежнее ухватываясь за снасти, и растерянно оглянулся – с чего вдруг «Долгожданный» так резко накричал, еще не успев выйти в море, да еще в такой тихий и ясный денек?

– Ведьмин муж!

У Томаса по спине побежали мурашки. Он обернулся посмотреть, из чьего рта вырвались эти грязные слова, и наткнулся на злобные взгляды – мужчин и женщин, юнцов и стариков...

– Муж Маргарет Джонс! Пособницы дьявола! Той ведьмы, что две недели назад отправилась на виселицу! – продолжал надрываться кто-то, и со всех сторон слышались воззвания к Богу и испуганные молитвы.

– Гоните его с корабля! Он, должно быть, тоже служит Сатане!

– Гоните его, гоните! Пусть он отправится за борт, иначе и нам не уберечься от зла!

За что Бог послал ему еще и это, подумалось Томасу. Разве он недостаточно вытерпел? И без того хватало ночей, когда он просыпался в ледяном поту – и, взглянув в окружающую тьму, вспоминал, что реальный мир еще страшнее тех кошмаров, что терзали его во сне. Теперь ему начинало казаться, будто он и вовсе никогда не вырвется из того чудовищного сна, в который обратилась его жизнь.

Матросы меж тем сновали по кораблю, подгоняемые зычными командами квартирмейстера, но кое-кто, заслышав крики и заметив, как пассажиры тычут пальцами в Томаса, остановился, приглядываясь.

– Что стряслось? – спросил молоденький моряк с коротко стриженными кудряшками у такой же молоденькой девчонки, укрывавшейся возле двери в каюту капитана.

– Это он! – прошипела девчонка, указав пальцем на Томаса. – Муж дьявольской колдуньи, которую повесили!

Томас сам не знал, чего ему больше хочется: перебраться на левый борт и прыгнуть с корабля или добраться до этой девчонки, сдавить ее горло своими крепкими руками плотника и душить, душить, душить, пока она не посинеет, а глаза не нальются кровью. Но от этой мысли у него перехватило дыхание – он вспомнил, как в последний раз держал на руках бездыханное тело жены и ее кожа была синей, шея почернела, а глаза, испуганные, выпученные, были налиты кровью...

– Спи спокойно, милая, – прошептал тогда Томас, опуская ей веки. – Спи...

Боль от этих воспоминаний нахлынула с новой силой, и Томас поморщился и покачал головой.

– Глядите-ка, он все отрицает! – заявила девица.

Томас поднял голову и взглянул ей прямо в глаза.

– Я ничего не отрицаю. – Возмущенные шепотки и бесконечные ложные обвинения преследовали его, как вонь, не рассеиваясь ни на минуту и не давая вздохнуть полной

грудью. Но сердце, что билось в этой груди, Томас слышал сквозь все оскорбления. – Я – тот самый ведьмин муж.

– Томас Джонс, – к тому месту, где он стоял, подобрался капитан Дэйвис в сопровождении двух констеблей, державшихся за все, что попадалось под руку. – Вам придется уйти, – заявил капитан хмуро и покачал головой. – Корабль сам не выровняется. У нас трюмы битком набиты – восемьдесят лошадей и сто двадцать тонн балласта, распределенного со всем тщанием. Мы не можем понять, в чем дело. Но некоторые пассажиры утверждают, что вы – муж ведьмы и что это ваше черное колдовство всему причиной, – капитан дотянулся до тех снастей, за которые держался Томас, и, оказавшись ближе, беспокойно огляделся по сторонам и понизил голос: – Я сам не верю в подобную чушь, но если это не ваших рук дело, то кто же в этом повинен? – Он обеспокоенно обвел взглядом накренившийся корабль. – То, что происходит, неестественно. Так что вам придется сойти, Джонс. Я не могу лишиться корабля, моего единственного средства существования. Вы должны сойти.

– Я прекрасно все понимаю, капитан Дэйвис, – смиренно ответил тот.

– Вам приказывается покинуть этот корабль, – заявил один из констеблей, сжимая в руке нечто, что, судя по всему, было указом Бостонского суда. Томас с сожалением понял, что уже начал привыкать к подобной формальности.

– Я никоим образом не возражаю, но мне нужно забрать

с нижней палубы свою кошку. И я был бы рад, если бы кто-нибудь помог мне отнести на причал дорожные сундуки.

– Да, их отнесут, а вы пока ступайте своей дорогой, Джонс, – ответил капитан и поковылял прочь, на ходу отдавая приказ дежурным матросам заняться вещами Томаса.

Толпа пассажиров между тем собралась у левого борта в попытке выровнять судно. Заметив Томаса, некоторые из них забормотали молитвы, а иные разинули рты и выпучили глаза так, будто перед ними стоял сам дьявол. Какая же несусветная чушь, подумалось мистеру Джонсу, – будто он и впрямь мог одним своим присутствием накренить корабль! Безумие – то самое безумие, что лишило его жены. И теперь он не знал, плакать или ругаться, и отчего-то из горла сам собой полился хохот – едкий, горький, злой, как рвотная желчь.

– Все, чего я хочу, – убраться подальше от этого места! – воскликнул он и сам удивился, как громко прозвучал его голос.

Констебли подтолкнули его к трапу. Спустившись на пирс, Томас поставил на землю корзинку с Молли и обернулся.

– Ну вот, видите? – спросил он, обводя рукой корабль. – Судно не выровнялось само, а?

Спустя минутку на пирс спустились четверо матросов, таща дорожные сундуки Джонса. Опустив их на землю, матросы вернули ему плату за билет и уже собирались подняться

обратно на борт, но у самого трапа остановились, изумленно глядя на «Долгожданного».

Корабль неожиданно начал крениться на другой бок. Послышались испуганные возгласы, а затем воззвания к Богу сменились радостными криками облегчения. Пассажиры наконец-то смогли уверенно встать на ноги, те, кто упал, поднимались и, разинув рты от изумления, наблюдали, как судно, оглушительно скрежеща, поднимая высокие волны, чудесным образом выправляется само.

Моряки медленно оглянулись на те два сундука, что только что собственноручно отнесли на пирс. Один из мужчин ошеломленно уставился на Томаса и кое-как пробормотал:

– Что... что у вас в этих сундуках?..

* * *

– Иди ко мне, моя драгоценная, – Элис Стрэттон наклонилась, вытаскивая Молли из корзинки, и, прижав кошку к груди, несколько раз чмокнула между ушей. – Я уж думала, что больше никогда тебя не увижу.

Затем миссис Стрэттон уселась за стол рядом с мужем и поинтересовалась:

– Ну, Томас, что за напасть стряслась на этот раз?

Так как свой дом мистер Джонс продал днем ранее, идти ему было некуда, и единственными, кто согласился дать ему приют, стали Стрэттоны – его лучшие друзья.

Увидев Томаса на пороге, они были немало удивлены, однако без лишних слов впустили его в дом.

– Напасть... Самое подходящее словечко, – мистер Джонс улыбнулся Элис, ближайшей подруге его жены, но если улыбка и смогла растянуть его губы, то до глаз уже не добралась. Наоборот, из них навернулись слезы – и потекли по щекам прежде, чем Томас успел их остановить. Он никогда не был плаксой, скорее вовсе избегал демонстрировать эмоции. Все чувства он предпочитал держать в себе – там, где получалось разглядеть их получше, понять, что вызывает ту или иную боль. Но в последнее время он сам себе напоминал переполненную чашу.

Элис поспешно ссадила Молли на лавку рядом с собой и потянулась к Томасу через грубо сколоченный стол, отполированный до блеска тысячами часов готовки, взяла его за руки и крепко сжала:

– Ну, ну, дружище, расскажи нам – что случилось на причале?

– Я... не смогу это толком объяснить, – Томас высвободил пальцы и уставился на собственные ладони, покрытые мозолями – те напоминали горы над равнинами, торчащие то там, то здесь. Следы тяжелого труда, источник удовольствия для жены... Запнувшись об эту мысль, Томас крепко переплел пальцы между собой и продолжил: – Как-то так вышло, что корабль начал крениться на правый бок и никак не мог выровняться.

– Это как? – спросил Сэмюэл. – Когда я провожал тебя на причал, судно выглядело надежным и устойчивым.

– Да-да, именно так, – Томас кивнул.

Густые рыжие брови Сэмюэла сошлись вместе, словно он силился разгадать сложную загадку.

– Так вот, он накренился и никак не выравнивался до тех пор, пока меня не согнали обратно на сушу вместе с пожитками.

Повисла тишина – было слышно лишь, как Молли лакает пахту из миски, стоявшей на полу.

– Да брось, быть такого не может, – Сэмюэл откинулся поудобнее и почесал бороду. Элис тут же гневно обернулась:

– Это ты брось, муженек! Зачем бы ему это все выдумывать? – затем она вздохнула и, встав из-за стола, подошла к очагу. Заглянув в чайник, она встряхнула заварку и, выпрямившись, уперлась руками в поясицу, разгибая позвоночник. Несколько мгновений Элис стояла, глядя на огонь – оранжевые блики плясали по ее платью и переднику. Миссис Стрэттон была женщиной прехорошенькой, но очень уж маленькой и худенькой. Однако Томас знал, что в этом хрупком теле прячется невероятная сила духа.

– А что у тебя лежит в сундуках, Томас? – спросила Элис, не отрывая взгляда от огня – будто отыскивая ответ в переливах пламени. – Там наверняка должно быть нечто, что ты по-прежнему держишь при себе и с чем тебе стоило бы расстаться.

Томас и сам знал, что это за вещь. Она лежала на дне одного из дорожных сундуков, как затонувшее сокровище, покоящееся на морском дне, как тайное письмо, спрятанное от чужих рук и глаз: свадебное платье его супруги.

Элис обернулась – и по дрожащим губам стало заметно, как она изо всех сил сдерживает слезы.

– Ты должен заставить себя это сделать.

* * *

Стрэттоны ушли в спальню – комнатку с противоположной стороны от камина, – и Томас остался один. Молчаливую темноту разгоняла лишь одинокая свеча на боковом столике, и Томас, допив свою порцию эля, принялся разглядывать оловянную кружку. Это была работа мастера – подарок, преподнесенный Стрэттонам на свадьбу еще в Англии. Всего кружек было две, и Элис всегда ставила их перед Томасом и его женой, когда те заглядывали на обед.

– Давайте-ка сделаем вид, что вы только что поженились, – говорила она всякий раз, ставя на стол любимые кружки, а жена Томаса смеялась – грудным, мелодичным смехом, ласкавшим его ухо более всякого звука на свете.

А потом Томасу вспомнилось, как в самый первый раз, когда Элис любезно предоставила им эти кружки, он ответил: «А мне и притворяться не надо – для меня она всегда будет новобрачной».

Мэгги тогда пододвинулась к нему поближе, запустила руку под стол и крепко сжала его бедро, а сама коснулась губами его виска – она очень любила целовать Томаса именно туда. А потом глубоко тянула носом и мурлыкала ему в ухо: – Там так ярко пахнет тобой...

Томас отставил кружку на столик и едва не задрожал – от сладости воспоминаний, от горечи потери...

В последний раз Мэгги целовала его так, в висок, две недели назад – в тюремной камере. И ее слова по-прежнему звучали в его голове, как католическая молитва: «Когда меня не станет, не позволяй себе утонуть в бездне печали. Пусть надежда вытянет тебя со дна, – та надежда, что всегда вела нас с тобой. Избавься от этой жизни, избавься от всех ее следов... от всех моих следов!»

Сказанное так разъярило его, что отчаянье переплавилось в гнев:

– Замолчи, Мэгги! Закрой рот немедленно! Перестань нести чушь!

– Послушай меня! – кричала она растрескавшимся, иссохшим ртом. – Всякий мой след должен быть уничтожен! Пообещай, что избавишься от всего, – продай, сожги, неважно!

– Ты с ума сошла!

– Нет! Меня страшит мысль о том, что ты можешь оставить какую-то частичку меня, и она будет тянуть тебя в бездну одиночества, что жизнь невинного... твоя жизнь будет запятнана той же грязью, что замарала мою! Поклянись, что

выполнишь мою просьбу! Поклянись!

Ее мольбы звучали так горячо, что в этом пламени сгорали любые возражения. И Томас кивнул, коротко и неохотно: – Я выполню ее.

Эту клятву, это обещание он принес жене за час до казни. Он дал слово, что сделает все, о чем она его попросила. Но не знал, как сможет жить дальше без нее, несмотря на все ее уговоры. Но сейчас, по крайней мере, даже этот маленький поступок станет началом исполнения этой просьбы.

Так что Томас встал и, озаряемый светом пламени камина, открыл тот дорожный сундук, в котором прятал нарушение клятвы, данной жене. И под столярными инструментами, под любимыми книгами его пальцы еще прежде глаз отыскивали тонкий дамаст. Бережно и осторожно Томас вытащил сложенную вещь из изумрудно-зеленого шелка и разложил на коврике перед камином.

Что-то пощекотало его запястье – это оказалась сушеная веточка розмарина. И перед глазами тут же встало очередное воспоминание: в день их свадьбы Мэгги стояла на крыльце церкви Святой Марии в Уффингтоне, в этом самом платье из изумрудного дамасского шелка, и копну ее непослушных темных кудрей украшал венок из плюща и розмарина. В тот день она выглядела как Дева Мария на той картинке, что однажды попалась Томасу в детстве.

Сморгнув выступившие слезы, он поднес дорогую ткань к носу, надеясь уловить хоть капельку любимого запаха, но

почувствовал лишь душок прелого войлока и кожи. А затем трогательный момент оборвал глухой стук – что-то упало на ковер. Сдвинув платье в сторону, Томас обнаружил маленькую записную книжку в переплете из красной кожи. Он никогда ее раньше не видел – видимо, все это время она пряталась где-то в складках жениного платья?

Томас провел пальцами по потрепанной обложке, а затем аккуратно подцепил ее большим пальцем. Книжица будто не могла дожидаться, когда же ее наконец откроют, – она приветливо зашелестела, обложка хрустнула, как поленце, догорающее в камине.

8 апреля 1646 года. Мы прибыли в Массачусетс, чтобы начать новую жизнь. Мы обосновались в Чарльзтауне, к северу от Бостона, в устье Мистик-Ривер. Домик вполне неплохой. Мой любимый непременно сделает его еще лучше – с его-то талантом столяра. Где он – там и мой дом. Небеса подарили мне этого человека. Я в этом уверена.

Томас скользил взглядом по строчкам, записанным хорошо знакомыми косыми каракулями. А он ведь и понятия не имел, что супруга записывала события из своей жизни. А когда видел, как она что-то там черкает пером, полагал, что делает пометки в расходной книге. Томас пролистнул несколько страниц – похоже, Мэгги вела дневник время от времени.

1 июня 1646 года. Сегодня я приготовила бальзам для матушки Уоррен. Она попросила сделать

лекарство для ее сына, Лемюэля – тот уже давно мается мокрым кашлем.

Основа: смалец.

Травы: 3 части иссопа, 1 часть розмарина, 1 часть блоховника.

Как Томас и подозревал, в дневнике описывались повседневные дела. Между страницами попадались вложенные бумажки – счета от продаж и покупок, записки с благодарностями от тех, кому Мэгги помогала исцелиться, родить, от страждущих и умиравших. Но, перевернув очередную страницу, он обнаружил, что та исписана с обеих сторон.

Сегодня будем ужинать треской, сготовленной в отваре лука, лаврового листа и тимьяна, и картофелем. И нарежу-ка я еще яблочек, да полью их медом с корицей – порадую своего любимого.

– О да, порадовала... – пробормотал Томас себе под нос. И вспомнил остро-терпкий вкус, цветочную сладость меда и корицу, что ощущалась на языке, как вкус самого Востока, – невероятно дорогую, но стоившую каждого затраченного шиллинга. И Томас ел тогда, как ребенок, дорвавшийся до сладостей, – не зная удержу. А Мэгги смеялась, негромко и счастливо. Вытерла капельку меда с его подбородка загрубевшей подушечкой большого пальца, а потом сунула этот палец в рот и облизнула, причмокнув губами. И Томас усадил ее к себе на колени, запустил руку под юбки, и она охнула. «Коль тебе охота, то и мне охота», – так она всегда го-

ворила, потому что они с Томасом были предназначены друг другу с тех самых пор, как их души сошли с небес в этот мир и смертные тела сделали первый вдох.

Да, они были предназначены друг другу, определенно, – и сейчас Томас держал в руках доказательство, исписанное неровным почерком, облаченное в кожаный переплет. Чистейшее, неоспоримое доказательство их любви. Мэгги была его сокровищем, второй половиной, тем, что придавало смысл его существованию. Его жизнь была неполной до тех пор, пока не явилась Мэгги и не принесла с собой все – мудрость, удовольствие, покой, вдохновение... И теперь все это сгинуло навеки, и Томас чувствовал себя так, будто сорвался с высоты и летит вниз, вниз, вниз, без надежды когда-нибудь достичь земли...

Поначалу он водил пальцами по строчкам машинально, но затем прикосновения превратились в благоговейные поглаживания: Томас понял, что этот дневник – или чем там была эта книжица – последний уголок ее души, в который ему еще не доводилось заглянуть.

И неожиданно от этой мысли стало холодно, будто из окна потянуло ледяным сквозняком: а что, если в записях найдется какое-то ужасное откровение, способное разрушить прекрасную картину их жизни? Вдруг в этой безобидной книжечке и в самом деле прячется какая-то темная, злая сила, что накренила целое судно, да еще с грузом? Сердце Томаса лихорадочно забилося. А что, если перед ним – доказа-

тельство, что его Мэгги и в самом деле путалась с Сатаной? Что, если на этих страницах – опасные знания, хитроумные заклятия? И не станется ли так, что этот дневник обратит в прах все, что было ему столь дорого?

И от этой мысли в его душе вскипела нешуточная борьба – ледяной страх мешался с теплом любви, удовольствием снова вспомнить, как счастливо они с Мэгги жили...

Часть первая. Томас

Глава первая

21 июня 1646 года

...Порадую-ка я своего любимого.

– Возможно, на этот раз ты подарил мне дитяtko, – про-
бормотала Мэгги, обнимая мужа, и ее горячее дыхание обо-
жгло его вспотевшую шею.

Это уже стало привычкой – говорить нечто подобное по-
сле жаркой близости. Поначалу Томас находил это милым;

слова наполняли его гордостью и заставляли гадать, какое волшебство, какая алхимия могла произойти, пока они были охвачены страстью. Но с момента их свадьбы прошел не один год, и хотя любовь крепла с каждым днем, но предвкушение чуда – появления на свет их ребенка – все больше перерастало в недостижимую мечту. Впрочем, жене об этом Томас не говорил: какой прок ее расстраивать?

– Да, возможно, – откликнулся он больше по привычке, хотя на самом деле эти слова значили «для меня это не важно». И вовсе не в плохом смысле.

Это и впрямь было для него не важно. Ему и так досталось немало богатств: любимая жена и умелые руки, способные обеспечить им обоим достойное житье. Грех жаловаться и требовать большего.

А шесть недель спустя, когда они лежали вместе в постели, Мэгги взяла Томаса за руку и заставила коснуться ее живота чуть ниже пупка. А потом обернулась – и на губах у нее играла веселая улыбка, а глаза светились от счастья.

Томас улыбнулся ей в ответ – Мэгги всегда была прекрасна, когда радовалась. Но он четырежды видел эту радость – как и то, как она скорбно корчилась над нужником и как лилась кровь, так много крови... И это пошатнуло веру Томаса в милосердие Бога – иначе зачем бы Ему так жестоко шутить над его возлюбленной? Послал бы уже всё – или не давал бы ничего вовсе.

– Еще очень рано что-то говорить, любимая, – не удержал-

ся от замечания Томас, хотя и понимал, что его слова могут расстроить супругу.

Но улыбка Мэгги не померкла ни капли.

– Да, еще слишком рано. Но все равно я знаю, что на этот раз все сбудется, – ее взгляд скользнул вверх, к резному изголовью кровати. – Мне приснился сон, что я держу на руках малютку – самую красивую, самую замечательную на свете.

– А прежде тебе снились подобные сны?

Мэгги снова перевела взгляд на мужа.

– Нет, такие – никогда.

Томас знал, что в этом Мэгги можно верить – он еще в первые дни брака узнал, что его жене порой снятся вещие сны.

– Девочка?

– Да, – ответила она и улыбнулась шире.

Томас поцеловал ее в лоб, а перед его мысленным взором уже стоял образ маленькой дочки, миниатюрной копии его жены – с копной темных кудрей, с большими голубыми глазами, с лукавой улыбкой, готовой в мгновение ока смениться хмурым выражением.

Боже, подумалось тогда Томасу, пусть она выйдет не такой егозой, как ее матушка!

– О чем ты задумался? – спросила та.

– На кого будет похожа девочка.

– В самом деле?

– Ага. Надеюсь, она будет такой же красивой и умной, как

ее мама, только без такого же острого языка!

Мэгги пихнула его локтем в живот:

– Злодей! А ведь ты знал, на что подписываешься, когда брал меня в жены!

Ох, он прекрасно знал – и потому лишь рассмеялся. Именно прямолинейность этой женщины и зацепила его в самом начале – целых семнадцать лет назад.

И Мэгги тоже рассмеялась – она всегда смеялась вслед за мужем, словно заражаясь от него весельем. А потом снова положила ему руку на грудь и провела длинными пальцами по черным волосам, торчащим над завязкой ночной сорочки. Ему всегда нравилось, когда она так делала.

– Куда ты собираешься отправиться завтра? – спросила Мэгги, помолчав.

– Завтра мне нужно поехать в Бостон, к вдове Хэллет.

Рука жены, поглаживающая его грудь, замерла.

– Это та сама госпожа Хэллет, что недавно овдовела?

– Ну да.

– И какие же услуги вы собираетесь ей оказывать, мистер Джонс, славный на весь свет краснодеревщик?

Томас рассмеялся.

– Она хочет, чтобы я сделал для нее плательный шкаф.

Мэгги принялась теребить шнурок завязки на его сорочке.

– Месяца не прошло, как ее муж сошел в могилу, а она уже тратит его деньги.

– Ну-ну, Мэгги, не будь такой жестокосердной.

– С чего это я жестокосердная?

– Ты слишком сурова к ней.

– А вот и нет.

– А вот и да. Да и какое тебе дело? Особенно если учесть, что нам от ее трат – пусть и денег покойного мужа – выходит сплошная польза, разве нет?

– Это так. Просто мне показалось, что она не больно-то долго о нем горевала.

– Возможно, их брак был договорным.

– Тоже верно. – Рука Мэгги скользнула Томасу под сорочку и принялась гладить его по груди. – Наверное, у нее и во все не было выбора. Потому что муж ей, прямо сказать, в дедушки годился.

– Не всем женщинам так повезло, как тебе, нареченная моя, – откликнулся Томас, млея под лаской.

– Наверное, мне и повезло, – улыбнулась Мэгги, поднимая на него глаза, – но тебе повезло еще больше.

– Истину глаголешь, – он поцеловал ее в лоб, – ладно, повернись спиной, чтобы я мог обнять тебя перед тем, как усну.

Она послушно повернулась, устраиваясь поудобнее. И они легли, как две плоски, пристроенные одна в другую – Томас будто укрывал жену собой от всего мира. А она взяла его за руку и снова положила ее себе на живот. И тепло ее тела мигом согрело ему пальцы.

– Ты должна как следует отдыхать – ради нашего ребен-

ка, – проговорил он, целуя ее в плечо.

Томас уже не первый раз говорил эти слова – и сейчас он молился Богу, чтобы на сей раз Тот все-таки осенил его любимую Своей милостью.

* * *

Дом на Милк-стрит оказался больше, чем Томас ожидал. Едва он постучался в дверь, как та тут же распахнулась – и на пороге появилась молодая женщина, которую Томас сразу узнал: Мэри Дойл, время от времени заходившая к его жене за различными травами и снадобьями. Мэри была родом из Ирландии, но находилась в долговой кабале у семьи Хэллет – как она умудрилась угодить в служанки к семье из Восточной Англии, Томас не знал, да и не особо задумывался.

– *Мадын вах, а хара*³, – Мэри улыбнулась, опустив глаза на свой передник.

– И тебе тоже доброе утро, голубушка, – ответил Томас, заставляя ее перейти на английский. Звук родного языка грел уши, но в Бостоне излишняя осторожность никогда не помешает.

– Прошу, подождите здесь, – сказала Мэри, проводив его в гостиную, – моя хозяйка ждала вашего прихода. Я ее сейчас позову.

³ Maidin mhaith, a chara – Доброе утро, друг (ирл.).

Томас снял шляпу и принялся разглядывать гостиную. Стены были обшиты деревянными панелями из добротного тонированного дуба. Половицы блестели так, словно их недавно оттерли и хорошенько отполировали. А камин был отделан такой большой лепной полкой, какую Томас не видал ни у кого с момента приезда в колонию Залива.

Мебель в комнате встречалась как работы местных мастеров, так и привезенная из Старого Света, но даже она выглядела новехонькой и сделанной на совесть – хозяину дома удача явно благоволила.

– Мистер Джонс, – вдова Хэллет и впрямь оказалась не старой – лет двадцать пять, не больше. Ее тело укутывали черные траурные одежды, но Томас разглядел, что все они пошиты из тонкого ситца. К тому же, как мужчина, он не мог не отметить тонкую талию этой женщины и округлую грудь, видневшуюся в довольно глубоком вырезе платья – такого фасона Томас не видел с тех пор, как покинул Лондон. Встретившись с гостем взглядом, вдова улыбнулась, и на ее бледных щеках расцвел легкий румянец. Чепца она не носила, и светлые кудряшки, выбившиеся из пучка, обрамляли прелестное личико. Такая вдова – богатая, молодая и хорошенькая – точно не останется одна надолго, особенно в здесь, в колонии Залива.

– Я представляла вас не таким, – сказала она.

Томас не ожидал услышать подобные слова.

– А, ну что ж, извините, что разочаровал. – Шуточка вы-

шла довольно нахальной, но вылетевших слов обратно не загонишь. Нечто такое могла бы ляпнуть его собственная жена – у той имелась привычка говорить не раздумывая.

Вдова захихикала, и Томас, умудренный жизненным опытом, понял, что она кокетничает. Уже давненько ни одна женщина не думала с ним флиртовать – чай, не юнец, тридцать семь лет... Впрочем, Томас знал, что его внешность не так и дурна, рост позволял свободно разглядывать макушки шляп многих соседей. И тело, закаленное годами тяжелого труда, отличалось мощностью, да и жизненных сил в нем за прошедшие двадцать лет не убавилось.

Но все-таки такое прямолинейное кокетство молоденькой вдовушки застало Томаса врасплох. Он уже заметил, что в этом благочестивом уголке мира страсть и похоть тщательно запирали на замок, скрывали от дневного света. А ведь Лондон так далеко...

– Вовсе нет, мистер Джонс. Что же, идемте со мной, – она развернулась, взмахнув юбками, и вышла из гостиной. Пока они шли к лестнице на второй этаж, Томас сообразил, что хозяйка ведет его в спальню, – и, почувствовав себя неудобно, кашлянул и замер на пороге.

А вдова обвела рукой стену, возле которой стояла кровать.

– Вот здесь мне хотелось бы обустроить гардеробную, чтобы она была от сих и до сих, – она развела тонкие руки, шевельнув изящными кистями.

Томас понимал, что ему придется войти в комнату, чтобы измерить стены и рассчитать все необходимые размеры. Обойдя хозяйку, он достал из кармана сюртука измерительный шпагат и принялся отмечать ширину и высоту желаемого гардероба. Мебель выходила большая и дорогая, и Томас внутренне обрадовался – он любил непростые заказы, особенно если те приносили хорошие деньги.

– Какую породу дерева вам бы хотелось, мадам?

– А какая самая лучшая?

– Дуб – самый прочный, еще подходит вишня – ее можно покрыть лаком, и она будет выглядеть как карибское махагониевое дерево, с красноватым оттенком.

– Ох, мне нравится такой вариант! – вдова хлопнула в ладоши и улыбнулась.

– Прекрасно, мадам, – Томас уже предвкушал, как будет работать с выбранной породой дерева. Затем он выяснил, что еще требуется заказчице – сколько потайных ящичков и какие к ним рукоятки, и все такое прочее. Цену Томас назвал адекватную количеству работы и затратам на древесину и африканский лак. Миссис Хэллет согласилась сразу, без всякого торга.

Когда они выходили из спальни, хозяйка будто невзначай мазнула рукой по его бедру, и Томас ощутил тепло ее пальцев даже сквозь бриджи, хотя коричневая ткань была достаточно плотной, из смеси шерсти и льна. И в комнате мигом стало жарко. На лице Томаса, под аккуратно подстри-

женными усами и эспаньолкой, проступила испарина. Да, игры красоти-вдовушки были приятны, но в то же время коварны, и Томасу хватало ума разглядеть ловушку. И он даже пожалел миссис Хэллет – так явно выдавали ее одиночество эти нескромные заигрывания. И в таком месте, как Бостон, подобное поведение не принесет ей ничего, кроме проблем. Вот бы Господь смиростивился над этой молодой вдовой да послал бы ей такого же молодого мужа, чтобы утолить и усмирить ее пыл, – вот повезло бы этому мужчине! От этой мысли Томас едва заметно улыбнулся.

– Вас что-то позабавило? – спросила хозяйка, слегка склонив голову набок. От этого на ее изящную бледную шейку свесилась тонкая прядка.

Жена Томаса тоже была женщиной изящной, но в то же время достаточно крепкой: ей хватало сил поднять два пятидесятифунтовых мешка кукурузной муки, по одному в каждую руку. А вдова Хэллет, скорее всего, за всю жизнь ничего тяжелее собственных юбок не поднимала.

При этой мысли Томас улыбнулся шире, но объяснение придумал иное:

– Нет-нет, мадам, я улыбаюсь, потому что представляю, как буду работать над деталями для вашего гардеробного шкафа.

– А, – откликнулась хозяйка и, прежде чем направиться вниз по лестнице, смирла его взглядом серых глаз.

Вот же шалопутная, подумалось Томасу. Скорей бы себе

мужика нашла.

И он на один короткий миг представил, как бы крепкий детина, вроде него самого, прижал бы ее к ближайшей стенке.

Да уж, он-то мог бы показать ей такое, чего бы она сама не навывдумывала. Томас выдохнул, отгоняя эту пикантную картинку подальше. И когда вдова открыла ему дверь, обрадовался прохладному уличному воздуху. Даже шляпу надевать не хотелось.

– Мистер Джонс, когда вы начнете работу?

Повернувшись, он взглянул хозяйке в лицо.

– Где-то через неделю, полагаю. Сначала сделаю детали у себя в мастерской, а собирать буду на месте – очень большим выходит гардероб. Так всем будет проще.

– И когда мне ждать вашего возвращения? – Вдовушка подняла голову, просительно глядя ему в глаза – будто разговаривала с возлюбленным. Она так мило сейчас выглядела – прямо котенок, выпрашивающий ласки. Ну какой мужчина сумел бы сохранить суровый вид?

– Думаю, недели через две. Вас это устроит?

Вдова закусила губу и нахмурила бровки.

– Глядишь, к тому моменту вы найдете себе жениха, – ляпнул Томас и смущенно кашлянул. Он вовсе не собирался произносить эти слова вслух, но какой-то черт толкнул его под руку. Так что он мысленно одернул себя – за языком все-таки стоит следить.

Хозяйка охнула, округлив глаза, – ни одна актриса на лондонских театральных подмостках не смогла бы сыграть возмущение столь же убедительно.

– Я все еще оплакиваю мужа, мистер Джонс!

Томас принялся натягивать шляпу, стараясь скрыть подступающий смех.

– Да-да, конечно.

– К тому же, – продолжила она, накручивая на палец выбившийся локон, – вдове, выходящей замуж второй раз, стоит быть вдвойне осмотрительной.

– Безусловно, – внутри у Томаса зашевелился червячок беспокойства. Все-таки вдовушка расставляла свои силки достаточно умело, и не стоило бросаться на приманку, как голодный кролик. – Всего хорошего, миссис Хэллет.

* * *

– Да это просто-таки королевский заказ, судя по размерам, – заметила Мэгги, остановившись возле очага с деревянной миской в руках.

– Судя по всему, в колонии Залива немало возможностей сколотить состояние, – откликнулся Томас.

– Да-да, и тебе как раз повезло наткнуться на одну такую возможность, – Мэгги наклонилась над котлом и принялась накладывать в миску рагу из трески. Когда миска очутилась перед Томасом, в нос ему ударил приятный аромат лаврово-

го листа и терпкого шафрана. У его супруги хватало талантов, но кулинарный был одним из самых выдающихся в этом списке. Она умела угодить мужу множеством способов, знала, как утолить любой его голод.

Томас улыбнулся, вдыхая этот запах шафрана. Мэгги и сама была как шафран – один маленький кусочек, и трапеза – в смысле, вся его жизнь – обрела экзотический вкус, такой, какого он никогда не испытывал раньше, вкус единственный и неповторимый, ее собственный. И кто бы мог подумать, что такая яркая специя таится в глубине простого осеннего крокуса? Кто бы мог подумать, что именно Томасу повезет и в его жизнь, как ураган, ворвется подобное создание?

– Что смешного?

– Ничего смешного. Просто ты меня радуешь.

Мэгги макнула в собственную тарелку кусочек хлеба и, откусив, принялась жевать – и при этом умудрялась игриво улыбаться той очаровательной улыбкой, которую Томас так любил.

– А ты радуешь меня.

– Я знаю.

– Вроде бы такой тихоня, а как рот откроешь... – шутливо укорила она его прежде, чем откусить еще кусочек хлебца.

– Я люблю наблюдать за тем, что происходит вокруг меня. Так что нужно быть полным глупцом, чтобы не понять, что я тебя радую.

– Ладно, поменьше болтай, побольше ешь, пока рагу не

остыло, – велела жена, но так и не перестала улыбаться, зачерпывая ложкой еду. – Лучше расскажи мне, какова из себя вдова Хэллет? А то я ее только издали и видела.

Иные мужчины в ответ на подобные вопросы своих жен предпочли бы солгать, как-то преуменьшить красоту и изящество другой женщины. Но Томас всегда был предельно честен, как и его жена. Говорить друг с другом начистоту – такое у них установилось негласное правило. Да и какой прок в лукавстве? Много лет назад, еще до того, как стать мужем и женой, они вместе работали на ферме Уиншип в Сомерсете, и однажды Томас услышал, как Мэгги говорит одной маленькой девочке: «Лучше всего никогда не лгать. Потому что каждую ложь придется прикрывать тремя другими, а их – еще по три на каждую, и очень скоро ты сама запутаешься в паутине этой лжи, утраивающейся без конца». Тогда эти слова показались Томасу странными, но чем дольше он их обдумывал, тем больше понимал, что в них есть своя неподдельная правда.

– Хорошенькая она, эта вдова.

– Правда?

– Правда, так что ей не придется долго скучать без мужа. Мэгги рассмеялась.

– Да уж наверняка не придется, с таким-то состоянием!

– У нее и без состояния от женихов отбоя бы не было.

– В таком случае у нее и впрямь красоты не меньше, чем богатства, – Мэгги кивнула. – Везучая девица.

– Так и есть.

– Расскажи поподробнее.

Томас отхлебнул из кружки эля и вытер усы тыльной стороной ладони.

– Она невысокая, худенькая, но с такой фигурой, которая нравится мужчинам.

– Всем мужчинам или только тебе?

– Так всем мужчинам нравится одно и то же, и я не исключение!

Мэгги усмехнулась.

– Ну-ну, а дальше?

– У нее бледная кожа, золотые кудри и светлые глаза.

– А, та самая английская роза⁴.

– Ну, как говорится, английские розы тоже разных цветов бывают. Мне вот досталась темная, и я обожаю ее больше всех прочих.

– Попробовал бы не обожать.

– Да уж могла бы и не напоминать.

Вот теперь Мэгги по-настоящему улыбнулась – широко и весело.

– Надоело мне обсуждать эту вдову, – заявил Томас, удобнее откидываясь в кресле. – Лучше ты, суженая моя, распусти волосы.

⁴ «Английская роза» – определенный женский типаж: золотисто-рыжие (медовые) локоны, светлая кожа и светлые глаза. Термин впервые получил широкое распространение в 1780-х, а устоявшимся выражением стал примерно к началу 1900-х.

Улыбка жены стала еще шире, и она стащила чепец и бросила его на стол. А затем вытащила шпильки и, запустив пальцы в темные пряди, как следует их распустила. Непокорные кудри роскошной волной рассыпались по плечам, свесились на грудь, почти до самой талии.

Томас довольно вздохнул. Как же жена красива...

А Мэгги встала со стула, развязала передник и отбросила к чепцу. А затем поманила мужа пальцем за собой и направилась к дверям спальни.

Глава вторая

10 августа 1646 года

Матушка Карлтон приходила за десятком охлаждающих примочек из перечной мяты – по ночам сейчас очень жарко.

Вдова Хэллет приходила за порошком из сердолика и маслом ладана.

Она говорит мне, что ей нужно зелье, способное сделать ее неотразимой для ухажера. Я отвечаю, что я – лекарка и повитуха и не разбираюсь ни в магии, ни в темных искусствах. Было бы суицидом безумием раскрывать всю глубину знаний, которые передала мне бабушка. Та-то в свое время свободно занималась и врачеванием, и варкой волшебных зелий и мазей, способных, как утверждалось, исполнить любую прихоть. Но сейчас времена другие, совсем другие, особенно здесь, в Новой Англии. Здесь все такие набожные, что видят происки дьявола и его прихвостней в каждом чихе. Так что пусть вдова ищет подобные штуки в другом месте.

А она между тем отправилась к Томасу в мастерскую, чтобы посмотреть, как продвигаются дела с ее шкафом. Ее присутствие мне не по вкусу – я чувствую в ней сильное зло.

– Томас! – послышался у входа в сарай голос Мэгги. – Тут вдова Хэллет явилась поглядеть, как идет работа!

Он выпрямился, расправил спину и утер пот со лба манжетой закатанного рукава. Жара стояла невероятная, причем уже целую неделю – никогда на памяти Томаса солнце не палило так отчаянно, а воздух не был таким густым. Вероятно, такая погода стоит в тропиках, думалось ему, а то и похуже, – и как там только люди выживают? А тут еще нетерпеливая вдова Хэллет пришла, чтобы посмотреть, как ему работается, – аккуратно через неделю после того, как сделала заказ. А он только сегодня утром получил древесину с лесопилки...

Отложив инструменты, Томас направился к выходу.

Мэгги стояла, уперев руки в бока. При виде мужа она улыбнулась. Миниатюрная вдова Хэллет уступала ей несколько дюймов роста. Облаченная в легкие траурные одежды и черный чепец, она напоминала бледный весенний тюльпан, впервые поцелованный солнцем, а миссис Джонс походила на алую розу в самый разгар цветения, озаренную закатным солнцем.

– Приветствую, вдова Хэллет. Чем могу служить?

На правой щеке молодой женщины обозначилась ямочка,

а серые глаза смерили Томаса с ног до головы, и на миг ему стало неловко – он ведь сейчас весь растрепанный, да еще наверняка вонючий из-за этой жары... Хотя чего это он так распереживался? Что в этой особе такого, чтобы вызвать у него неловкость за свой внешний вид?

– Я хотела посмотреть на вишневое дерево, – по-детски торопливо ответила вдова.

Это нетерпение и ямочка на щеке смотрелись так очаровательно, что Томас улыбнулся.

– Ладно, я буду в саду, если что, – сообщила Мэгги.

Он взглянул на нее и кивнул. На короткий миг их взгляды встретились, и Томас заметил на лбу жены хмурую морщинку – та появлялась всякий раз, когда миссис Джонс о чем-то беспокоилась, или ей что-то не нравилось, или, как выражался супруг, «у нее имелось, что сказать по этому вопросу». Она что, и впрямь опасалась, что он начнет ухлестывать за этой хорошенькой вдовой? До сих пор у Томаса не появлялось ни одной причины для измены, и он точно не так глуп, чтобы клюнуть на чужое кокетство. Кому, как не Мэгги, это знать; в конце концов, именно ее уверенность и привлекала его в первую очередь. Или ее беспокоило что-то другое, что-то более важное?

Томас повел вдову в сарай, мимо других шкафов и штабелей бревен, туда, где было разложено вишневое дерево, дожидавшееся своего часа.

– Древесину привезли только сегодня утром.

Вдова равнодушно взглянула на ароматные доски, только-только нарезанные. А затем снова воззрилась на Томаса, словно ожидая продолжения. Тот замялся, тщетно подыскивая какие-нибудь слова – не потому что не хотел с ней разговаривать, а просто обсуждать пока было нечего. Вот доски, лежат, ждут, когда из них сделают шкаф, – что тут еще скажешь?

– У вас есть какие-то вопросы, мадам?

Вдова наклонилась и потянулась пальцами к одной из досок.

– Не надо, мадам, – поспешно остановил ее Томас, – эта еще не готова. Не дай бог занозу словите. Вот, – он пододвинул поближе доску, которую успел отполировать как следует, – вот эту можно потрогать.

Вдова подошла и провела пальцами по поверхности, но ее взгляд был устремлен не на доску, а на завязки рубашки Томаса, свисавшие над рабочим фартуком.

– Надо признать, сегодня слишком жаркий день для работы. – Взгляд серых глаз мадам Хэллет скользнул выше, к шее, а затем прямо Томасу в лицо.

На душе у него стало беспокойно – воздух как будто сгустился и зазвенел, как перед грозой. Томас отставил доску к стене сарая и заявил:

– Как видите, у меня впереди еще много работы.

Ему очень хотелось, чтобы вдова ушла.

– Что ж, – та дернула подбородком, – в таком случае хо-

рошего вам дня, мистер Джонс.

– Вас проводить?

– Спасибо, не стоит себя утруждать, я знаю дорогу, – она направилась к выходу неторопливой походкой женщины, прекрасно знающей, что на нее смотрят. И из-за этого нравилась Томасу все меньше и меньше.

* * *

Чтобы избавиться от странного чувства, оставшегося после визита вдовы, Томас принялся работать изо всех сил и совершенно перестал следить за временем. И даже не заметил, сколько пролетело часов, пока, наконец, в сарай не пришла Мэгги с кружкой эля и влажным компрессом. Нежные пальцы бережно приложили компресс Томасу на загривок, прямо под косицу, нажали слегка – и по спине и груди потекли струйки воды, разнося чистый, приятный запах перечной мяты. А потом Мэгги убрала тряпку и, вытянув губы трубочкой, принялась дуть на влажную шею – и от резкого холода по коже Томаса побежали мурашки. Похоже, это была не просто примочка из мяты – Мэгги в самом деле знала толк в искусстве врачевания.

– Это что за волшебство?

– Никакого волшебства, – Мэгги обошла мужа, заглядывая ему в лицо. – Просто желание облегчить твое состояние.

– И все это – с помощью одной лишь мяты?

– Ну да. Разве что еще шепотка одного секретного ингредиента.

Томас поцеловал супругу в лоб, чувствуя на губах солоноватый привкус ее пота.

– Что за секретный ингредиент?

– Камфора.

– Ты привезла ее из Лондона?

– Да. Там был один китаец, получавший ее из родных краев, – у него имелся огромный запас этой древесной смолы в виде маленьких белых кристаллов.

– А что ты будешь делать, когда камфора закончится? В Бостоне-то китайцев днем с огнем не сыщешь.

– Правда твоя, – рассмеялась Мэгги. – Придется мне возвращаться в Лондон.

От этих слов Томасу стало не по себе.

– Мы никогда не сможем вернуться в Лондон. – Тоска жены по Англии начинала его раздражать. – Ты сама это знаешь. Возвращаться слишком опасно. Теперь наш дом здесь, Мэгги.

– Мой дом – там, где ты, – ответила она, не глядя мужу в глаза. Поймала его за запястье, заставила вытянуть руку и, проведя влажной примочкой по разогретой коже, подула – и Томас передернул плечами от неожиданного холодка. – Но почему бы нам не съездить туда через годик?

Томас крепко взял ее за подбородок и заставил поднять голову, чтобы наконец-то посмотреть ей в глаза.

– Нет. Ни за что и никогда. Вернуться – значит позволить тебе нырнуть в омут опасностей.

Пальцы Маргарет сомкнулись на его запястье – и сжали не менее крепко.

– Я чувствую еще большую опасность здесь, в Массачусетсе.

– Какую опасность? Прекрати нести чушь, – Томас выпустил ее подбородок и развернулся к верстаку.

– Это не чушь, Томас, это правда, – Мэгги обошла стол и встала так, чтобы видеть лицо мужа. – Я не доверяю вдове Хэллет. Мне не нравится, как она на тебя смотрит.

То странное чувство, что осталось после визита вдовы, снова зашевелилось внутри, но Томас постарался отогнать его и неловко пошутил:

– Ну-ну, Мэгги, не в твоем характере ревновать.

Та одним резким движением ухватила стамеску и швырнула через весь сарай. Инструмент врезался в стену и с громким звоном отлетел на пол. Мэгги скрипнула зубами. И Томас понял – он разбудил в жене зверя.

– Я не ревную! Я боюсь! Ее присутствие на пороге ощущалось как темная туча, клянусь тебе! Ты же сам знаешь, что подобные чувства меня не обманывают!

– Ты ревнуешь, и тебе это не к лицу. Я удивлен, – Томас ушел в угол сарая, забрал с пола стамеску и вернулся к рабочему столу.

Жена устала на него с такой яростью, что еще чуть-

чуть – и она бы, пожалуй, прожгла его взглядом насквозь.

– Она вовсе не из тех, кто может вскружить тебе голову.

– Именно так – она не из тех. И я рад, что ты наконец-то взялась за ум.

– Но в ней таится злоба.

Томас тяжело вздохнул. Предчувствия Мэгги не стоило игнорировать.

– Возможно, она и впрямь способна доставить неприятности, но уж точно не такие огромные, как те, что встретят тебя в Лондоне по возвращении. Ты ведь знаешь, что путь туда нам заказан, – он покачал головой – не раздраженно, но в попытке отогнать жуткую мысль о том, что за голову Мэгги назначена награда. – День, когда ты продала снадобье чокнутой леди Уэмбли, чтобы помочь ей излечить меланхолию, стал последним, когда ты могла спокойно ходить по улицам Лондона. – От этой мысли Томаса до сих пор охватывала злость.

– Откуда мне было знать, что от зверобоя она так кроважально обойдется со своим мужем? Да даже если бы я и знала, разве могла отказать достойной леди в ее просьбе, не рискуя навлечь на свою голову неприятности? Мы что, до окончания века будем обсуждать эту тему?

Томас досадливо помотал головой.

– Это не у меня Лондон с языка не сходит, а у тебя. И мы не поедем туда – по крайней мере, до тех пор, пока леди Уэмбли не отзовет награду, назначенную за твою голову. Когда простой люд начинает якшаться с аристократами, непре-

менно жди беды. Ведь зачем же даме ее статуса признаваться в тяге к убийствам, куда легче свалить вину на простую лекарку, а? – он сплюнул на пол.

– Но обстановка в родных краях поменялась, – заметила Мэгги, подходя ближе, и взяла мужа за руку. – Война, развязанная Парламентом⁵, поворачивается в его пользу. Разве парламентские войска не разгромили солдат короля при Нейсби прошлым летом? Парламент даст начало новой эпохе, и лорды и леди уже не будут иметь столько власти.

Томас рассмеялся. Для женщины такого ума, каким обладала Мэгги, она отличалась почти детским идеализмом.

– Ох, Мэгги, власть зиждется на богатстве, а богатство зиждется на власти. Совершенно неважно, кто сидит на троне, а кто контролирует Парламент. Есть вещи, которые никогда не менялись и никогда не поменяются.

– Томас, я не хочу оставаться здесь, особенно теперь, когда у нас может появиться ребенок, – Маргарет выпустила его руку и коснулась собственного живота.

– Да, и именно поэтому нам и стоит остаться здесь – из-за ребенка.

– Но это отвратительное чувство довлеет надо мной, как грозовая туча...

– Иди сюда, – Томас заключил жену в объятия и поцеловал сквозь чепец в макушку. – Это ребенок заставляет тебя

⁵ Речь идет про первый этап Английской буржуазной революции 1640–1660-х гг.

беспокоиться. Мы здесь еще и года не прожили – просто подожди немного, и ты пообвыкнешься.

Та прижалась ухом к его сердцу, как делала всегда, когда он обнимал ее.

– Я не представляла, что это место окажется таким... таким суровым и строгим...

– Здесь кишмя кишат пуритане, а они и впрямь все такие. Это их способ навести порядок посреди хаоса. По мере того как это поселение будет разрастаться, сюда начнут приезжать другие люди, больше похожие на нас, и нравы станут помягче. По крайней мере, я так думаю.

– Надеюсь, ты окажешься прав.

– К тому же наши соседи Стрэттоны оказались очень неплохими людьми. И они очень похожи на нас.

– Верно.

Томас отстранился, заглядывая жене в лицо.

– А теперь идем. Я умираю от голода. Пора бы уже и поужинать.

Мэгги улыбнулась, но хмурая морщинка на ее лбу никуда не делась.

Глава третья

30 августа 1646 года

Луна трижды стала полной и трижды скрылась совсем, а кровь у меня так и не пошла. Грудь болит, а каждое утро после завтрака меня одолевает тошнота. Можно не сомневаться – Господь смилостивился и я ношу дитя. Сегодня утром я сказала об этом Томасу, пока он работал у себя в мастерской. Он как раз закончил колыбель-качалку для тетушки Китчин, так что момент показался мне подходящим. Конечно, он был рад. Терпеливый он человек, муж мой, – почти как святые минувших дней, которых нынче не принято упоминать. Сегодня он пойдет со мной на рыбный рынок – ему по пути, так как он повезет Китчинам заказанную колыбель.

– Эта корзина точно не тяжелая, ты уверена? – спросил Томас у жены, пока они прогуливались по рыбному рынку. Он волновался за нее – все-таки она носила ребенка. Джонсы потеряли уже столько детей, что никто из них не вынес бы

еще одной потери.

– Конечно, нет. Я же не инвалидус⁶, как выражаются эти богатенькие лондонские доктора, – со смешком откликнулась та. – К тому же ты все еще таскаешь с собой эту колыбельку.

– Ты взяла все, что хотела? – уточнил Томас, глядя на внушительную треску, придавившую в корзине устриц и прочих моллюсков.

– Да, здесь всего достаточно для славного пирога с морепродуктами.

– Вот и замечательно. – Что бы Мэгги ни стряпала, всегда выходило очень вкусно, а здесь, в этом новом уголке мира, в изобилии водилась совершенно замечательная рыба.

Они дошли до рыночной площади, где вовсю кипела торговля, – здесь предлагали овощи и фрукты с ферм со всей округи. Мэгги остановилась возле прилавка, где продавали муку свежего помола с мельницы Хокинса, что торчала чуть дальше, на вершине Форт-Хилла. Оставив жену дожидаться возле прилавка, Томас отправился к дому Китчинов – тот как раз стоял на юго-восточном углу площади. Ему совершенно не хотелось, чтобы Мэгги в ее положении таскала тяжелые мешки с пшеничной или кукурузной мукой.

Он торопливо миновал молельный дом, стоявший у подножия Форт-Хилла, в северо-западном углу площади, и постучал в дверь опрятного городского здания со стенами бор-

⁶ Invalidus – инвалид (лат.).

дового цвета. Тетушка Китчин, к счастью, оказалась дома и, увидев новенькую колыбель-качалку, даже взвизгнула от восторга.

– Дядюшка Джонс, зайдите на кухню, выпейте кружечку эля.

– Благодарю за любезность, тетушка Китчин, но, увы, вынужден отказаться – моя жена дожидается меня возле прилавка Хокинса, – Томас замялся, не зная, сообщать ли радостную новость. В прошлые разы все кончалось тем, что позже приходилось сообщать новости нерадостные. Но он был так счастлив в этот день, что это счастье развеяло тревогу. – Видите ли, моя жена ждет ребенка.

– Ох, как замечательно! Благослови Господь и вас, и ее, и малыша, дядюшка Джонс. Я буду молиться за здоровье матушки Джонс, чтобы роды прошли легко. Боже правый, какие же замечательные дни для нас настали! Спасибо вам огромное еще раз. Господь благословил вас таким талантом, таким мастерством! Нам всем так повезло, что вы приехали сюда! Доброго вам дня!

Благословления из тетушки Китчин так и сыпались, и это одновременно умиляло и забавляло.

– Я тоже благодарен и вам, и вашей семье. Передайте вашему мужу мои наилучшие пожелания. Всего доброго!

Томас улыбнулся и направился обратно через площадь к прилавку Хокинсов, то и дело приподнимая шляпу, чтобы поприветствовать очередного знакомого.

Заметив, как возле молебельного дома толкуются люди, он замедлил шаг и пригляделся, пытаясь понять, что их так заинтересовало.

У позорного столба обнаружилось двое бедолаг – Томас не заметил их, когда проходил с колыбелью. А возле одного из них, молодого парня, стояла Мэгги.

– Мне жаль тебя, это очень суровое наказание, – говорила она, вытирая ему лоб платком – кто-то в насмешку измазал парню лицо грязью.

Протискиваясь сквозь толпу, Томас слышал шепотки:

– Что она делает?..

– Ее непременно будут ругать за это.

– Какой позор для нее – жалеть подобные отбросы...

– Я не хотел так много пить, – пробормотал парень, и в его голосе слышалось раскаянье. – Но я так устал и забыл, что на дворе воскресенье, понимаете...

– Конечно, ты просто забыл, – сочувственно кивнула Мэгги, коснувшись ладонью его лица.

– Клянусь, я никогда в жизни не испытывал такого голода, – продолжил он и сдавленно всхлипнул – ему явно и самому было совестно рыдать на глазах у всех горожан.

– Вот, – Мэгги запустила руку в корзинку, – поешь-ка немного клубники. Я подержу, чтобы ты смог их съесть.

– Вы сама доброта, матушка Джонс, благослови вас Господь, – ответил парень и впился зубами в протянутую ягоду.

– Подвинься чуть-чуть вперед и подними голову повыше.

Мы же не хотим, чтобы ты поперхнулся, да? – велела Мэгги.

Томас испытывал одновременно и жалость к незадачливому забулдыге возле столба, и гордость за жену, денно и нощно дарившую доброту и милосердие больным и страждущим. Но шепотки вокруг не умолкали, и беспокойство охватывало его все сильнее.

– Как она смеет кормить его, пока он отбывает наказание?

– Кем она себя возомнила?

– Она сейчас как Ева, соблазняющая Адама яблоком Сатаны, – раздался громкий голос. – Ну-ка, разойдитесь. – Голос принадлежал старику Эндекотту, бывшему губернатору. Грубо растолкав толпу тростью, он подошел к столбу, где Мэгги продолжала кормить привязанного парня клубникой. – Женщина! Немедленно отойди от этого преступника! Он – грешник!

Мэгги оглянулась и смирив взглядом худосочную фигуру Эндекотта, сгорбленную от старости.

– О, в самом деле? А разве не Иисусом сказано: «тот, кто без греха, пусть первый кинет камень»? Мы все грешны, мистер Эндекотт, разве не так? Лишь Господь наш и Спаситель безгрешен.

– Ты еще смеешь цитировать мне Писание? Кто ты такая? – скрипучий голос старика был полон ярости.

Томас уже собирался вмешаться и извиниться за жену, просто чтобы прекратить эту сцену и не ссориться со старым губернатором. Но не успел он сдвинуться с места, как Мэгги

ответила сама:

– Я – Маргарет, хозяйка дома Джонс, сэр, – гордо представилась она.

– А, та самая ведунья.

У Томаса перехватило дыхание. «Ведунья» в этой части света считалась оскорблением.

– Повитуха и лекарка, вы хотели сказать, сэр, – укоризненно поправила старика Мэгги.

Дольше сдерживаться Томас не мог. Он вышел из толпы и подошел к столбам.

– Мистер Эндекотт, это моя жена и она не замышляет ничего дурного, – поспешно сообщил он. – Видите ли, сэр, она ждет ребенка и, как всякая мать, стала жалостливой и мягкосердечной и не в силах сдержаться при виде тех, кто нуждается в помощи, – детей, животных, даже вот таких негодяев...

Эндекотт смерил Томаса взглядом и медленно кивнул.

– Ах, вот оно что... – затем он махнул тростью в сторону Мэгги и осужденного: – Больше так не делайте, матушка Джонс. Знайте свое место. Направьте свое сострадание на тех, кто достоин его больше, чем этот греховодник. А вы, дядюшка Джонс, держите свою супругу в узде. Если подобное будет повторяться, она пойдет под суд.

– Благодарю вас, сэр, – Томас приподнял шляпу, взглядом умоляя Мэгги придержать язык. Эндекотт поковылял в модельный дом, и толпа постепенно рассосалась, возвращаясь

к своим делам.

– Матушка Джонс, прошу вас, не беспокойтесь обо мне больше, – проговорил молодой человек, неловко изгибая шею, чтобы получше разглядеть стоящую рядом Мэгги. – Мне не хочется, чтобы такую добрую женщину наказали из-за меня. А вы, дядюшка Джонс, счастливый человек – вам в жены достался настоящий ангел!

– Спасибо тебе на добром слове, – откликнулся Томас. Ему тоже стало жаль бедолагу. – Да смилостивится над тобой Господь. В неприятную ситуацию ты угодил.

– Я сам в этом виноват, – пробормотал осужденный. Мэгги наклонилась к самому его уху и прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.